

Н.И. Николаев

© Николаев Н.И., 2021

М.М. БАХТИН В 1910–1920-е ГОДЫ: ЕДИНСТВО ПУТИ

Аннотация. Обсуждение в октябре 1924 г. доклада Л.В. Пумпянского о теоретической несостоятельности марксизма выявило, однако, возможность применения социологического метода в области эстетики, как об этом свидетельствует реплика М.М. Бахтина. В трудах М.М. Бахтина социологического периода был продолжен анализ эстетических проблем, поставленных в его ранней статье 1924 г., например, особенностей взаимодействия «автора», «героя» и «слушателя» в художественном тексте. Совокупность определенных тематических комплексов, восходящих к его статье 1924 г., образует единство работ М.М. Бахтина как написанных и опубликованных в 1920-е годы под его собственным именем, так и изданных под именами его друзей.

Ключевые слова: марксизм; социологический метод; эстетика; внешняя и внутренняя речь.

Получено: 20.08.2021

Принято к печати: 12.09.2021

Информация об авторе: *Николаев* Николай Иванович, главный библиотекарь Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького С.-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, 119034, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Для цитирования: *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в 1910–1920-е годы: единство пути // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 45–59.

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.03

Nikolai I. Nikolaev
© Nikolaev N.I., 2021

M.M. BAKHTIN IN 1910–1920 S: THE UNITY OF THE PATH

Abstract. The discussion of L.V. Pumpyanskii’s report on the theoretical inconsistency of Marxism in October 1924 detected at the same time the possibility of applying the sociological method in aesthetics, as M.M. Bakhtin’s remark shows. In his writings of the sociological period M.M. Bakhtin continued the analysis of the aesthetical problems posed in his early essay of the 1924, for example, the problem of interaction of the “author”, “hero” and “listener” in the artistic text. The specific thematic complexes originating from the essay of the 1924 form the unity of M.M. Bakhtin’s works of the 1920th, published both under his name and the names of his friends.

Keywords: Marxism; sociological method; aesthetics; external and inner speech.

Received: 20.08.2021

Accepted: 12.09.2021

Information about the author: *Nikolai I. Nikolaev*, Principal Librarian of the Department of Rare Books and Manuscripts of M. Gorky Scientific Library, Saint Petersburg State University, University Embankment, 7/9, 119034, St Petersburg, Russia.

E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

For citation: Nikolaev, N.I. “M.M. Bakhtin in 1910–1920 s: The Unity of the Path”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 45–59. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.03

У непредубежденного исследователя неизбежно возникает вполне уместный вопрос о внутреннем единстве представленной столь фрагментарно философии М.М. Бахтина конца 1910-х – начала 1920-х годов. И вслед за ним – следующий: как соотносится эта философия М.М. Бахтина с написанными им совсем в ином ключе книгами и статьями второй половины 1920-х годов?

Уже первые непосредственные свидетельства конца 1910-х годов говорят нам о М.М. Бахтине как о сложившемся философе, хотя мы вынуждены судить об этом по крохотной статье 1919 г., по упоминаниям его суждений в невеликих докладах Л.В. Пумпянского, по обзорам его выступлений в невеликой газете «Молот» и по поздним воспоминаниям М.В. Юдиной. Но о происхождении его философии приходится только гадать: виленский

кружок гимназистов, объединенных идеей Третьего Возрождения вкупе с культом Вяч. Иванова и Ф.Ф. Зелинского, лекции психолога Н.Н. Ланге в Новороссийском университете, неокантианство (Г. Коген), феноменология (Э. Гуссерль, М. Шелер), религиозно-философское общество и т.д. Но эти и другие контексты никак не сходятся в объяснении генезиса той философии М.М. Бахтина, которая нам отрывочно известна для конца 1910-х годов.

Философия М.М. Бахтина 1920-х годов столь же труднопостижима, хотя и дошла до нас не только отрывочно, но и в виде книг и статей. Наличие непрерывной с 1919 г. его главной философской линии показывают трактаты «К философии поступка» (1922) и «Автор и герой» (1923–1924), доклады и лекции в записи Л.В. Пумпянского (1924–1925) и суждения о М. Шелере, высказанные во время допроса в конце 1928 г. Сюда же следовало бы отнести и лекции по истории русской литературы в записи Р.М. Миркиной (1922–1927), но при всей их открытости они ограничены темой и педагогическим заданием. Для заработка М.М. Бахтин пишет осенью 1924 г. статью с критикой формализма и вскоре после этого, судя по его реплике при обсуждении доклада Л.В. Пумпянского о марксизме в конце октября 1924 г., приходит к выводу о возможности относительно свободного высказывания в официальной печати в такой автономной области, как художественное творчество и его теория. В соответствии с этим выводом М.М. Бахтин начинает развивать идеи статьи 1924 г. «К вопросам методологии эстетики словесного творчества. I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве» (далее – *ВМЭ*) в статьях и книгах, изданных под именем друзей. Надо признать при этом, что столь же ограничена данным местом и временем его беспримерная по своей необычности и талантливости книга о Достоевском 1929 г. Именно так, как вынужденно ограниченную, оценил ее сам М.М. Бахтин в разговоре с С.Г. Бочаровым в июне 1970 г. Во всех этих работах – в отличие от главной философской линии – речь ведется непрямым словом. Однако главная философская линия непременно присутствует во всех этих работах, изнутри просвечивая каждое не прямое слово. И эта подсветка является тем смысловым регулятором (семантическим оператором), без учета и усвоения которого эти тексты остаются (и будут оставаться) недоступными для понимания.

Здесь мы исходим из слов М.М. Бахтина о книгах «Формальный метод в литературоведении» (1928, далее – *ФМЛ*), «Марксизм и философия языка» (1929, далее – *МФЛ*) и «Проблемы творчества Достоевского» (1929, далее – *ПТД*), что «в основу этих книг и моей работы о Достоевском положена *общая* концепция языка и речевого произведения» (Из письма В.В. Кожинуву от 10 января 1961 г. – [12, с. 496]). Безусловно, то же относится к книге «Фрейдизм» (1927, далее – *Ф*) и к статьям «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926) и «О границах поэтики и лингвистики» (1930), а также к нескольким другим примыкающим к ним работам.

К сожалению, никто не удосужился изложить во всей полноте эту общую концепцию.

И первый шаг к этой «общей концепции» запечатлен в его реплике при обсуждении доклада Л.В. Пумпянского о марксизме в конце октября 1924 г., где показана несостоятельность марксизма, прежде всего – положения об определяющем воздействии экономических отношений на культуру в целом и частные ее элементы. Напомним эту реплику:

«Приемлемое в марксизме: 1) единство исторического процесса; 2) это единство надо искать в бытии (а не в долженствовании, в оценке и пр.); 3) определение функциональных отношений между элементами; решению Сократа примат не принадлежит. Но с точки зрения этих же положений *абсолютная прикрепленность* отпадает; принципиально, прикрепить один член ряда невозможно без введения логики образа» [9, с. 338].

Под «логикой образа» подразумевалась необходимость выявления специфических эстетических закономерностей даже при признании их «социальной обусловленности». Такой «логикой образа» и могла стать эстетика, как она была разработана в статье *ВМЭ* 1924 г. И таким образом, в рамках марксизма, по крайней мере теоретически, – при соответствующих терминологических модификациях и неизбежных содержательных потерях – могли быть сохранены тенденции прежней философии.

Можно сказать, что доклад Л.В. Пумпянского «О марксизме» является ключевым моментом в истории «Невельской школы философии», поскольку своей репликой М.М. Бахтин, полемизируя с Л.В. Пумпянским, указал выход из, казалось бы, неразрешимой

ситуации: невозможность философской деятельности в пределах заведомо порочной теоретической системы.

Именно эта реплика М.М. Бахтина лежит и в основе социологических разделов всех названных книг и статей второй половины 1920-х годов: в статье «Слово в жизни и слово в поэзии», во *Ф*, в первой части *ФМЛ*, в первых трех разделах «Некоторых руководящих мыслей работы “Марксизм и философия языка”» (1928, далее – *Конспект МФЯ*), в первых двух главах первой части *МФЯ*, в статье «О границах поэтики и лингвистики» и в статьях, напечатанных в «Литературной учебе» (1930). И каждый раз она дается с тем или иным уточнением. В *ФМЛ* [8, с. 15]: «Необходимо заполнить прорыв между общим учением об идеологических надстройках и конкретной разработкой специальных вопросов. Нужно раз и навсегда преодолеть наивные опасения, что качественное своеобразие, например, искусства может вдруг оказаться не социологическим. Точно внутри социологического ряда не может быть глубоких качественных различий!» (следует отметить, что обе главы первой части *ФМЛ* в наибольшей степени воспроизводят положения статьи 1924 г.) В *МФЯ*: «в марксистской литературе нет еще законченного и общепризнанного определения специфической действительности идеологических явлений <...> Основоположниками марксизма дано определение места идеологии в единстве социальной жизни: идеология, как надстройка, отношение надстройки к базису и т.д. Что же касается до вопросов, связанных с материалом идеологического творчества и с условиями идеологического общения, то эти вопросы, второстепенные для общей теории исторического материализма, не получили конкретного и законченного разрешения» [4, с. 9]. Именно наличием этих лагун в учении и воспользовался М.М. Бахтин для определения специфичности идеологических явлений.

Нужно отчетливо сказать, что во все эти только что перечисленные книги и статьи второй половины 1920-х годов транспонированы основные положения статьи *ВМЭ* 1924 г., но разные моменты в разные работы. Возможно, это связано с характером и назначением каждой публикации.

Как уже не раз отмечалось, в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» воспроизведены многие суждения и понятия «Автора и героя». Вместе с тем именно в этой статье появляются «соци-

альная среда» и «среда общения», понятие же «идеологическая среда» было развернуто в *ФМЛ* и в последующих трудах. Таким образом, от статьи «Слово в жизни и слово в поэзии» к *МФЯ* в какой-то мере последовательно происходит не только создание философской герменевтики – «всякое понимание диалогично» (4, с. 123), – но и более тонкая спецификация наук об идеологиях («слово»). Как известно, возникновение бахтинской философской герменевтики происходило в полемике с трудами Г.Г. Шпета, посвященными этой новой дисциплине. Уже в статье *ВМЭ* 1924 г. М.М. Бахтин возражает Г.Г. Шпету, не называя его имени.

А в статье «О границах поэтики и лингвистики», написанной после ареста, выхода *ПТД* и приговора (датирована 13 ноября 1929 г.), при резкой, почти бранной критике в адрес индоевропейистики и сосюррианства, при ссылках на Энгельса и Марра, воспроизводятся важнейшие, пусть на первые взгляд и частные, положения статьи *ВМЭ* 1924 г. Например, понятие «эстетического объекта» появляется впервые после «Автора и героя», статьи *ВМЭ* 1924 г. и «Ученого сальеризма», хотя и вызвано здесь его наличием у В.В. Виноградова; при этом дается такое его феноменологическое в неокантианской огласовке определение: «Эстетический объект никогда *не дан*, как готовая, конкретно наличествующая вещь. Он всегда *задан*, задан как *интенция*, как направленность художественно-творческой работы и художественно-сотворческого созерцания» [5, с. 224]; затем воспроизводится положение статьи 1924 г. о том, что переживание, вызванное порождающим звук движением, возможно, важнее самого слышимого звука: «важна не столько слуховая возможность интонации (для уха, как в музыке), сколько произносительная, та установка организма и его органов, которая нужна для осуществления данной интонации, следовательно, не столько звуковой результат, сколько интонационная установка <...> Музыка не знает категории “звуковой возможности”, в поэзии же, особенно в современных условиях ее восприятия (чтение “про себя”), эта категория играет громадную роль» [5, с. 235]; наконец, в этой статье неоднократно приводится триада «автор», «герой» и «слушатель».

В той же статье «О границах поэтики и лингвистики» указано: «В поэзии, в особенности в ее прозаической форме, важнейшие художественные моменты – немые» [5, с. 234–235]. И тем самым

воспроизводится тезис статьи *ВМЭ* 1924 г. о том, что «в романе, вообще в более крупных прозаических словесных целых, фонема почти совершенно уступает свои служебные функции – обозначать движение, вызывать движение, быть базой для интонации – графеме» [1, т. 1, с. 321]. То же отмечено в *ФМЛ* при анализе проблемы упорядочения звукового целого в поэтической конструкции: «материальное звуковое тело высказывания в научных положениях и в некоторых литературных произведениях – в некоторых жанровых разновидностях романа, например – не подвергается художественной обработке и не входит в поэтическую конструкцию» [8, с. 139]. В *Конспекте МФЯ* рассматривается та же особенность: отсутствие «физиологического напряжения внешних чувств и органов тела», как проблема «немых» жанров: «Для современного идеологического общения характерно преобладание “немых” жанров: для литературы – романа, для познавательного творчества – больших кабинетных научных исследований. Основная форма нашего восприятия идеологического слова – чтение “про себя”» [6, с. 91–92]. Наконец, эта же тема воспроизведена в третьей части *МФЯ*: «В большинстве же случаев, и притом именно там, где несобственная прямая речь становится массовым явлением – в новой художественной прозе, – звуковая передача ценностной интерференции невозможна. Более того, самое развитие несобственной прямой речи связано с переходом больших прозаических жанров на немой регистр. Только это онемение прозы сделало возможным ту многопланность и непередаваемую голосом сложность интонационных структур, которые столь характерны для новой литературы» [4, с. 184–185]. Часть этих цитат приведена в примечаниях к статье *ВМЭ* 1924 г. в 1-м томе Собрания сочинений М.М. Бахтина [1, т. 1, с. 866–867]. Но мы считаем необходимым их упомянуть, чтобы еще раз подчеркнуть сквозные тематические комплексы в его трудах второй половины 1920-х годов.

К основной философской линии, названной выше, которую много позднее М.М. Бахтин назвал своей философской антропологией, относится отмеченная им в конце декабря 1928 г. во время тюремного допроса проблема социализации греха в исповеди: «Исповедь, по Шелеру, есть раскрытие себя перед другим, делающее социальным (“словом”) то, что стремилось к своему асоциальному внесловесному пределу (“грех”) и было изолированным,

неизжитым, чужеродным телом во внутренней жизни человека» [7, с. 183]. Вероятно, М.М. Бахтин имел в виду определенное рассуждение Макса Шелера в его трактате «Ресентимент в структуре моралей» [14, с. 97, 98]. Эта проблема в 1920-е годы была постоянно в центре внимания М.М. Бахтина.

Уже в статье *ВМЭ* 1924 г. имеется тезис о ценностях, осмысливающих и упорядочивающих психику и позволяющих преодолевать ее голую психическую субъективность [1, т. 1, с. 309, 851–853].

Затем эта проблема отчетливо выкристаллизовалась при разборе учения Фрейда. Следует отметить, что М.М. Бахтин во *Ф*, изданном в 1927 г. под именем его близкого друга В.Н. Волошинова, ницшеанский подтекст, обнаруженный им в работах таких авторов, как например М.А. Рейснер, пытавшихся совместить марксизм (исторический материализм) с некоторыми аспектами учения Фрейда, побудил обратиться к критике теории психоанализа, не называя, однако, имени Ницше. Напомним, что уже тогда делались неоднократные указания на Ницше, как предшественника фрейдизма, например, в книге Ф. Виттеля «Фрейд. Его личность, учение и школа» (М., 1925). Естественно, М.М. Бахтин обратился не к тем идеям Ницше, которые обычно соотносят с учением Фрейда.

Во *Ф* в главе «Содержание сознания как идеология», где, собственно говоря, было продолжено – после статьи «Слово в жизни и слово в поэзии» – изложение той самой «концепции языка и речевого произведения», о которой М.М. Бахтин писал в 1961 г. В.В. Кожинуву, – в самом начале главы приводится такое определение сознания: «Сознание – это тот *комментарий*, который всякий взрослый человек прилагает к каждому своему поступку» [3, с. 127]. Это определение, несомненно, отсылает к «Утренней заре», где Ницше говорит, что «все наше так называемое сознание есть более или менее фантастический комментарий к непонятному, а может быть, и непостигаемому, но чувствуемому тексту» (Афоризм 69 «Жизнь и фантазия», цитируется по переводу начала прошлого века [11, с. 68]). Г.Ф. Элленбергер в «Открытии бессознательного» в разделе «Провозвестник новой эры: Ницше» подчеркивает исключительное воздействие Ницше на теории Фрейда и его последователей и приводит, в частности, среди про-

чего то же ницшевское определение сознания из «Утренней зари» [15, с. 330]. Принято соотносить это место из «Утренней зари» с афоризмом 354 «Веселой науки» [13, с. 251–262], где рассмотрена связь сознания и языка и их происхождение: «<...> сознание вообще развивалось только под влиянием потребности в общении <...> Сознание есть собственно только соединительная сеть между одним и другим человеком – только в качестве такового должно было оно развиваться <...> сознательное мышление происходит в словах, т.е. в тех знаках, которыми и обнаруживается само наступление сознания <...> не только язык служит мостом от человека к человеку, но также и взгляд, прикосновение, жест <...> Изобретающий знаки человек есть в то же время всегда более сознающий себя человек: только в качестве социального животного научился человек сознавать себя <...> сознание собственно не принадлежит индивидуальному существованию человека, скорее тому, что в нем есть относящегося к общественной и стадной природе; это сознание, как следует из только что сказанного, получило тонкое развитие только в отношении общественной и стадной полезности; следовательно, всякий из нас, при всем желании понять сколько возможно свою индивидуальность, “познать самого себя”, всегда будет сознавать именно только свое неиндивидуальное, свое “общее” <...> Все наши поступки, несомненно, в сущности ни с чем несравнимым образом личны, единственны, безгранично-индивидуальны; но как только мы их переводим в область сознания, они уже кажутся не имеющими таких свойств» (цитируется по переводу начала прошлого века [10, с. 382–385]).

Такие представления или, лучше сказать, вспышки интуиции, связанные с новейшими для времени Ницше позитивистскими и антропологическими изысканиями, позволили М.М. Бахтину, не потеряв связи с философской традицией и избежав при этом других ницшеанских крайностей, перейти к социологическому и идеологическому объяснению содержания сознания. М.М. Бахтин противопоставляет учению Фрейда представление об идеологичности сознания, о словесном характере как внешней, так и внутренней речи, об оформлении сознания наличностью языка и идеологических образований:

«Содержание человеческой психики, содержание мыслей, чувств, желаний – дано в оформлении сознанием и, следова-

тельно, в оформлении человеческим словом. Слово – конечно, не в его узко лингвистическом, а в широком и конкретном социологическом смысле – это и есть та *объективная среда*, в которой нам дано содержание психики» [3, с. 125–127]; «Всякая мотивировка своего поступка, всякое осознание себя (ведь самосознание всегда словесно, всегда сводится к подысканию определенного словесного комплекса) есть подведение себя под какую-нибудь социальную норму, социальную оценку, есть, так сказать, обобществление себя и своего поступка. Осознавая себя, я пытаюсь как бы взглянуть на себя глазами другого человека, другого представителя моей социальной группы, моего класса» [3, с. 129]; «Всякое словесное высказывание человека является маленьким идеологическим построением» [3, с. 131]¹.

С другой стороны, М.М. Бахтин вводит понятие «неофициальное сознание», в недрах которого все, не получившее идеологического оформления, приобретает асоциальный характер: «Чем шире и глубже разрыв между официальным и неофициальным сознанием, тем труднее мотивам внутренней речи перейти во внешнюю речь (устную, письменную, печатную; в узком, в широком социальном кругу), чтобы в ней оформиться, уясниться и окрепнуть. Такие мотивы начнут хиреть, терять свое словесное обличье и мало-помалу действительно превращаются в “чужеродное тело” в психике. Целые группы органических проявлений могут оказаться таким путем выключенными из пределов вербализованного поведения, могут стать *асоциальными*. Так расширяется сфера “животного” в человеке, асоциального в нем» [3, с. 134].

---

¹ Уже в статье «Слово в жизни и слово в поэзии», создававшейся, скорее всего, в 1926 г. почти одновременно с книгой *Ф*, появляется сходное, продуманное до отчетливости суждение: «всякий сколько-нибудь отчетливый акт сознания не обходится без внутренней речи, без слов и без интонации – оценок и, следовательно, уже является социальным актом, актом общения. Даже наиболее интимное самосознание есть уже попытка перевести себя на общий язык, учесть точку зрения другого, и, следовательно, включает в себя установку на возможного слушателя. Этот слушатель может быть только носителем оценок той социальной группы, к которой принадлежит сознающий. В этом отношении *сознание*, поскольку мы не отвлекаемся от его содержания, уже *не есть только психологическое*, но прежде всего *идеологическое явление, продукт социального общения*» [2, с. 265].

Вновь Бахтин обратился к этой проблеме в третьей главе «Философия языка и объективная психология» первой части *МФЯ* при рассмотрении вопроса о соотношении внутренней и внешней речи и функции процесса самонаблюдения. Правда, терминология здесь, кажется, другая: «Чем теснее внутренний знак вплетен в единство этой психической системы, чем сильнее он определяется биологическим и биографическим моментом, тем дальше он от законченного идеологического выражения. Наоборот, по мере своего идеологического оформления и воплощения внутренний знак как бы освобождается от пут сковывающего его психического контекста» [4, 45].

А вот суждение, прямо касающееся социализации греха: «самонаблюдение может идти и в другом направлении, тяготея к этической, нравственной самообъективации. Здесь внутренний знак вводится в систему этических оценок и норм, понимается и уясняется с их точки зрения» [4, с. 47]. Таким образом, в *Ф*, а затем в *МФЯ* обсуждается, по сути дела, теологический вопрос, истинный смысл которого подтверждается и раскрывается в протоколе допроса 1928 г. (см. ниже приложение к статье).

Эта проблема, однако, не оставляет М.М. Бахтина, и он вновь и вновь воспроизводит ее во второй части *МФЯ* в рассуждении о «я – переживании» и «мы – переживании» [4, с. 104–105], а также в тезисе, что «не переживание организует выражение, а наоборот, выражение организует переживание, впервые дает ему форму и определенность направления» [4, с. 101]. Последнее, скорее всего, восходит, как уже было указано, к суждениям психолога В. Джемса [1, т. 1, с. 851–853]. Следует заметить, что каково бы ни было происхождение частных идей в бахтинских трудах, получавших, кстати, у него почти идеальную формулировку, их совокупная конфигурация настолько оригинальна, что до сих пор поражает каждого впервые к ним приступающего.

Понятие «социальная оценка», введенное в статье «Слово в жизни и слово в поэзии» и подробно развернутое в *ФМЛ*, также восходит к статье *ВМЭ* 1924 г., к термину «эмоционально-волевой тон» [1, т. 1, с. 845–849]. То же относится и к важнейшему понятию «интонация», детально рассмотренному в каждой из работ второй половины 1920-х годов.

В статье *ВМЭ* 1924 г., с одной стороны, язык рассматривается как явление, связанное естественнонаучными закономерностями (тот же взгляд на язык сохранился в *ФМЛ* в разделе «Поэтический язык и конструкция литературного произведения» первой главы третьей части книги). С другой стороны, введение в статье *ВМЭ* 1924 г. понятия «речевое высказывание», а затем и вывод о необходимости изучения больших словесных целых (высказываний) показывает зарождение у М.М. Бахтина новой концепции языка, развернутой им потом в работах второй половины 1920-х годов, где, кстати, постоянно утверждается несовпадение речевого высказывания и предмета изучения в лингвистике.

Новой в сравнении со статьей *ВМЭ* 1924 г. в этих работах второй половины 1920-х годов стала концепция знака, восходящая в первую очередь к первому тому «Философии символических форм» Э. Кассирера и раскрытая совсем по-иному в *МФЯ*. Присутствует эта концепция знака и в *ФМЛ*, но это обстоятельство, к сожалению, обычно исследователями не учитывается.

Книга *ПТД* многими отголосками тоже связана со статьей *ВМЭ* 1924 г. и работами второй половины 1920-х годов.

Мы привели только несколько примеров тех тематических комплексов, которые пронизывают все сочинения М.М. Бахтина 1920-х годов, как известные нам под его собственным именем, так и изданные под именами его друзей. Необходимо дальнейшее выявление и изучение этих комплексов во всех деталях и подробностях.

Приложение

М.М. Бахтин и М. Шелер

Из протокола допроса М.М. Бахтина 28 декабря 1928 г.:

«6, на квартире Назаровой мною были прочитаны два реферата о Максе Шелере – современном немецком философе-феноменологе. Первый реферат был об исповеди. Исповедь, по Шелеру, есть раскрытие себя перед другим, делающее социальным («словом») то, что стремилось к своему асоциальному внесловесному пределу («грех») и было изолированным, неизжитым, чужеродным телом во внутренней жизни человека. Второй реферат касался вос-

кресения. Суть: воскреснет жизнь не ради нее самой, а ради той ценности, которая раскрывается в ней только любовью» [7, с. 183].

Вероятно, в первом реферате М.М. Бахтин имел в виду следующее рассуждение М. Шелера: «*Закоренелый* грешник всегда признает плохое в своей душе. Причем я имею в виду не только признание на словах перед людьми, но и признание перед самим собой, признание *путем* деяния, в котором исполняется грешная воля. Пусть то, в чем он признается, плохо и грешно. Но сам *факт признания*, что он грешит, раз уж у него грешное сердце, – не плох, а хорош! Этим он очищает свое сердце и не дает распространиться заразе, которая у человека, вытесняющего злые импульсы, захватывает все новые и новые слои личности, становится для его сознания и совести чем-то все более темным и непостижимым, так что он уже не видит «бревна в собственном глазу», замечая лишь «соринки в глазу ближнего». Вот почему для Иисуса грех и последующее покаяние (не начинается ли оно с осмысления того, что в *деянии* заслуживает признания?) лучше, чем вытеснение греховного импульса и происходящее в результате этого отравление внутреннего ядра человека, которое сплошь и рядом может сопровождаться *сознанием* того, что надо быть добрым и блюсти закон <...> Иисус же судит наоборот: грешник, который грешит, лучше грешника, который не грешит и греховный импульс которого уходит вовнутрь, отравляя его индивидуальную сущность <...>» [14, с. 97, 98].

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
2. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии: К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267.
3. Волошинов В.Н. Фрейдизм: Критический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1927. 164 с.
4. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
5. Волошинов В.Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке: Сб. ст. Л.: Прибой, 1930. С. 203–240.

6. *Волошинов В.Н.* Некоторые руководящие мысли работы «Марксизм и философия языка» / Публикация Н.А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 2. С. 83–99.
7. *Конкин С.С., Конкина Л.С.* Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 398 с.
8. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928. 232 с.
9. *Николаев Н.И.* Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л.В. Пумпянского и выступление М.М. Бахтина) // «Литературоведение как литература»: Сб. ст. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. С. 323–338.
10. *Ницше Ф.* Собрание сочинений. М.: Издание П.Д. Ефимова, 1901. Т. 9: Веселая наука. 464 с.
11. *Ницше Ф.* Утренняя заря. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 384 с.
12. *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Издательство МГУ, 2010. 720 с.
13. *Сафрански Р.* Ницше: биография его мысли. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 456 с.
14. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука; Университетская книга, 1999. 231 с.
15. *Элленбергер Г.Ф.* Открытие бессознательного: История и эволюция динамической психиатрии. Часть 1. СПб.: Академический проект, 2001. 560 с.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii [v 6(7) t.] [Collected Works : in 6 (7) vols]*. Moscow: Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1996–2012. (In Russ.)
2. Voloshinov, V.N. “Slovo v zhizni i slovo v poezii: k voprosam sotsiologicheskoi poehtiki” [“The Word in Life and the Word in Poetry: to the Problem of Sociological Poetics”]. *Zvezda*, no. 6, 1926, pp. 244–267. (In Russ.)
3. Voloshinov, V.N. *Freidizm: Kriticheskii ocherk. [Freudism. A Marxist Critique]*. Moscow; Leningrad: Gosizdat Publ., 1927. 164 p. (In Russ.)
4. Voloshinov, V.N. *Marksizm i filosofija yazyka: Osnovnye problem sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke [Marxism and the Philosophy of Language]*. Leningrad: Priboi Publ., 1929. 188 p. (In Russ.)

5. Voloshinov, V.N. “O granitsakh poehtiki i lingvistiki” [“On the Boundaries of Poetics and Linguistics”]. *V bor'be za marksizm v literaturnoi nauke: Sbornik statei*. Leningrad: Priboi Publ., 1930, pp. 203–240. (In Russ.)
6. Voloshinov, V.N. “Nekotorye rukovodyashchie mysli raboty ‘Marksizm i filosofija yazyka’” [“Some guiding thoughts of the work ‘Marxism and the Philosophy of Language’”]. Publ. by N.A. Pan'kov. *Dialog. Karnaval. Khronotop*, no. 2, 1995, pp. 83–99. (In Russ.)
7. Konkin, S.S., Konkina, L.S. *Mikhail Bakhtin: (Stranitsy zhizni i tvorchestva) [Mikhail Bakhtin]*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993. 398 p. (In Russ.)
8. Medvedev, P.N. *Formal'nyi metod v literaturovedenii: Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuyu poehtiku [The Formal Method in Literary Scholarship: A Critical Introduction to Sociological Poetics]*. Leningrad: Priboi Publ., 1928. 232 p. (In Russ.)
9. Nikolaev, N.I. “Nevel'skaya shkola filosofii i marksizm (Doklad L.V. Pumpyanskogo i vystuplenie M.M. Bakhtina)” [“The Nevel' School of Philosophy and Marxism (The report of L.V. Pumpyanskii and the Speech of M.M. Bakhtin)”]. *“Literaturovedenie kak literatura”*: *Svornik statei v chest' S.G. Bocharova*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; Progress-traditsiya Publ. 2004, pp. 323–338. (In Russ.)
10. Nits'she, F. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Moscow: Izdanie P.D. Efimova Publ., 1901, Vol. 9: Veselaya nauka. 464 p. (In Russ.)
11. Nits'she, F. *Utrennyaya zarya [The Dawn of Day]*. St Petersburg: Izdatel'skii Dom “Azbuka-klassika” Publ., 2008. 384 p. (In Russ.)
12. Pan'kov, N.A. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina [The Problems of Biography and Scientific Legacy of M.M. Bakhtin]*. Moscow: Izdatel'stvo MGU Publ., 2010. 720 p. (In Russ.)
13. Safranski, R. *Nits'she: biorafiya ego mysli [Nietzsche: A Philosophical Biography]*. Moscow: Izdatel'skii Dom “Delo” RANCHiGS Publ., 2016. 456 p. (In Russ.)
14. Sheler, M. *Resentiment v structure morale [Ressentiment in the Constriction of Moralities]*. St Petersburg: Nauka Publ.; Universitetskaya kniga Publ., 1999. 231 p. (In Russ.)
15. Ehllenberger, G.F. *Otkrytie bessoznatel'nogo: Istoriya i ehvolutsiya dinanicheskoi psikhiatrii [The Discovery of the Unconscious: The History and Evolution of Dynamic Psychiatry]*. Part I. St Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 560 p. (In Russ.)